

Т5(2)Я5
С56

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

МАРНИИ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

59198
26165

1* 9 АПР 1973

6

НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ

1 9 6 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Г. П. ВАСИЛЬЕВА

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА

Происхождение любого народа, участие в его формировании различных этнических компонентов, роль древней основы и более поздних напластований — все это важные и интересные вопросы, в решении которых принимают участие ученые ряда смежных дисциплин — археологии, этнографии, истории, антропологии, языкознания, фольклористики и т. д. Среди других исторических наук в изучении этногенеза важная роль принадлежит этнографии, располагающей специфическими источниками, которые позволяют дать ответ на ряд вопросов этой проблемы.

Для многих народов, в том числе и туркмен, при изучении проблемы этногенеза наибольшее значение имеют следующие этнографические источники: сведения о родо-племенном составе, фольклорный материал, в частности легенды и предания о происхождении, среди которых особенно важны родословные — шеджере, данные материальной культуры и прикладного искусства и, наконец, обычаи и обряды, бытующие или бытовавшие у различных групп населения в прошлом. Некоторые из этих источников, особенно этнонимика племен и родов, частично уже использовались исследователями этногенеза туркмен (Н. А. Аристовым, В. В. Бартольдом, Г. И. Карповым, С. П. Толстовым и др.).

В настоящее время общая картина этногенеза туркмен в основных ее контурах представляется в следующем виде. Наиболее ранний пласт составили древние ираноязычные обитатели арало-каспийских степей, известные под именем дахов и массагетов, а позднее — сармато-аланские племена. На юге и востоке этих степей, в предгорной полосе и речных долинах, а также на севере, на территории Хорезма, указанные племена занимались земледелием, в остальной части степей — скотоводством. В середине I тысячелетия в прикаспийских степях появляются ранние тюркские племена, а с IX в. на территорию нынешней Туркмении начинают проникать огузы, сыгравшие главную роль в этногенезе туркмен. Основная масса огузов, пришедшая с северо-востока вместе с сельджуками в XI в., поселилась здесь и постепенно слилась с местным населением. Процесс формирования туркмен завершился, видимо, в XIV—XV вв., когда после монгольского завоевания сложились новые племенные объединения. В их состав вошли также более поздние тюркские племена неогузского происхождения, в частности кыпчаки.

В установлении общей схемы основных этапов этногенеза туркмен и, особенно, в конкретизации ряда ее положений весьма существенное значение имеют этнографические материалы, и в их числе данные этнонимии. Такие, например, названия родов и племен, как *абдал*, *языр* (*карадашлы*), *алам* и многие другие свидетельствуют о вхождении в состав туркменского народа древних доогузских племен и народов — эфталитов, языров-асов, аланов и другого местного ираноязычного населения. Однако больше всего этнонимических совпадений с родо-племенным делением туркмен исследователи находят в названиях огузских племен. Из 24 племенных названий огузов, известных нам по средневековым источникам (Махмуду Кашгарскому, Рашид-ад-дину и Абул-Гази), 8 сохранилось до наших дней в племенных наименованиях туркмен: *салыр*, *баят*, *языр*, *эймюр*, *игдыр*, *чоудор*, *каркын*, *ча* (*иве*), 10 — в качестве родовых наименований: *кайи* и *тутырка* (*додурга*), *карык*, *човдур* и *баяндур*, *баят* и *авшар* в племени гоклен, *игдыр* и *баяндур* у чоудоров, *игдыр* и *эймир* у иомутов, *авшар* в племенах мурча и каркын, *эймир* — у али-эли и эрсари, *човдор* — у арабачи и эрсари, *кайи* у баятов и, наконец, *карабюлюк* (*кара-ойли*) — родовое подразделение, входившее в состав тиведжи и даг-сакаров в XVII—XVIII вв.¹

Интересный материал для установления этногенетических связей туркмен с огузами дает сопоставление этнического состава полукочевых групп туркмен и юруков Турции, сохранивших многие родо-племенные названия огузов. Таковы, например, *чепни*, *кара-эвли*, *эймюр*, *чавундур*, *кайы*, *баяд* и др. Среди этих же турецких групп есть немало чисто туркменских этнонимов (*ушак*, *текели*, *гюнеч*, *караташлы* и т. д.), помогающих установить более или менее точно период образования аналогичных родо-племенных групп у туркмен.

Более поздние этнические компоненты, вошедшие в состав туркменского народа, встречаются также во многих этнонимах племен и родов соседних народов — казахов, узбеков, киргизов и др. (род *тана* у текинцев, иомутов, эрсари и казахов, *саят* у салыров, эрсари и узбеков, *барак* у иомутов и салыров, нуратинских туркмен, казахов, туркмен Турции, киргизов, *караман* у казахов и туркмен Турции, *джаныбек* и *едиуруг* у сарыков, казахов, киргизов и др.). Такие названия, как *кенегес* и *чагатай* у сакаров, *кыпчак* у али-эли, *карлык* у арабачи, *калмыкли* у эрсари, *тибет* у сарыков, *мугол* у чарджоуских салоров, *кара-мугол* у алам и др., указывают на участие в сложении туркмен других племен и народов, попадавших на территорию Туркмении в связи с политическими событиями средневековья.

Родовое название *тат*, *татлар* встречается у многих племен (иомуты, гоклены, эрсари, мукры и др.). Этот термин, генезис которого, по мнению таких крупных ученых, как С. П. Толстов, В. В. Бартольд, В. В. Минорский и Б. В. Миллер, восходит к определенной социальной категории древнего оседлого населения, прилагался обычно у узбеков, туркмен и азербайджанцев к потомкам старого оседлого населения некоторых районов.

У туркмен, кроме того, это имя в ряде случаев стало этнонимом и, вероятно, свидетельствует о включении в состав туркмен в более позднее, послеогузское время небольших групп оседлого аборигенного населения оазисов. Одни и те же родо-племенные деления, встречающие-

¹ Г. И. Қарпов в своей очень интересной, но оставшейся неопубликованной работе «Этнический состав туркмен», находит еще ряд этнонимических совпадений родо-племенных названий огузов и туркмен, однако мы приводим здесь только наиболее достоверные.

ся у различных туркменских племенных групп, еще более подчеркивают их этническое единство.

Второй важный этнографический источник — шеджере (родословные) сохранились у многих туркменских племен. Некоторые из них передаются в устной традиции, но большинство было в свое время записано и рукописи передавались от отца к сыну, сохраняясь у наиболее уважаемых и известных лиц, обычно родовых старейшин. В числе таких генеалогий следует отметить «Шеджере-и-теракиме» («Родословную туркмен») ², записанную в XVII в. хивинским ханом Абул-Гази, один из вариантов родословий иомутов, опубликованный в изложении Н. Н. Иомудского ³, а также родословные некоторых других туркменских племен, хранящиеся в рукописном фонде Академии наук Туркменской ССР.

В большинстве шеджере наряду с генеалогией племени содержится более или менее подробное полуполегендарное изложение исторических событий, хотя и сильно смещенных во времени, и предания о родине, исходном пункте формирования и путях передвижения отдельных племен и родов. Предания о родине обычно входят в состав шеджере, но довольно часто бытуют и самостоятельно.

Родоначальником всех туркмен по «Шеджере-и-теракиме» является Огуз-хан, предками отдельных туркменских племен выступают различные полуполегендарные лица, в большинстве своем также упомянутые в этом памятнике. Так, гоклены считаются потомками Кайи-хана, внука Огуза, жившего на берегах Иссык-Куля, текинцы, по одной из известных родословных, — потомки Салор-Казана, по другим — потомки Теке-Мухаммеда; родоначальником иомутов называют Иомуда, сына Келами или Кулмы и т. д.

Все наиболее крупные туркменские племена по шеджере связаны между собой узами родства. В широко распространенном предании большинство современных туркменских племен являются потомками двух лиц: Союн-хана (Сеил-хана) и Эсен-хана (Хасан-хана).

Интересно предание о происхождении сарыков, согласно которому текинцы — ближайшие родственники этого племени по мужской линии, так как сарыки ведут свое начало от Ялкамышы — младшего сына Теке-Мухаммеда (или по другой версии — Эрали-теке) и дочери ногайского хана. Близость сарыков к текинцам подчеркивается фактами женитьбы на вдове Ялкамышы его старшего брата Тохтамышы и усыновления им одного из сыновей Ялкамышы — Амаша, потомки которого вошли в качестве отдельного рода в состав теке. Иомуты считали своим дедом по женской линии некоего Эрсари-бая, жившего на Балканах.

В большинстве случаев родословные, хотя и в своеобразной форме, отражают какой-то реальный этап в формировании того или иного племени, а также родственные связи между отдельными племенами и народами. Используемые в совокупности с другими этнографическими источниками и историческими материалами, родословные могут служить важным свидетельством отдельных этапов этногенеза. К сожалению, шеджере туркменских племен или родов до сих пор еще мало изучены.

² Первый ее перевод на русский язык был дан востоковедом А. Туманским, см. «Абуль-гази Бахадурхан. Родословная туркмен», Асхабад, 1897; новый, более точный перевод по критическому тексту сделан А. Н. Кононовым — «Родословная туркмен, сочинение Абу-л-гази хана Хивинского», М.—Л., 1958.

³ Н. Н. Иомудский (Караш-хан оглы), Из народного предания туркмен. О родословной туркмен-иомудов, Сб. «В. В. Бартольд — туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927.

Несколько лучше известны предания и легенды о местах формирования отдельных родовых групп, однако это главным образом полевые, неопубликованные еще материалы. В известных нам преданиях о «прародине» туркменских племен чаще всего фигурируют полуостров Мангышлак (у теке, чоудоров, части иомутов и др.), Нуратинские горы (Нур-Кара-баир) и Бухара (у чоудоров, игдыров и др.), а в более поздних — Уаз (Вас) в Хорезме (у племени алам). Интересна легенда, встречающаяся во многих вариантах у разных туркменских племен (чоудоров, салоров и др.) и у каракалпаков, об изгнании из Туркестана (низовья Сыр-Дарьи) на Мангышлак части туркмен-огузов во главе с братьями Акманом и Караманом (по одной из версий — Акбаем и Карабаем), которые были якобы превращены в собак⁴. Это предание, несомненно, отражает реальные события XI—XII вв. — передвижение части огузских племен, впоследствии, видимо, составивших основной компонент туркменских племенных образований — чоудоров, арабачей, части салоров и др.

На реальных этнических связях средневековья, вероятно, основано упоминавшееся выше предание о делении всех туркмен на потомков Союн-хана (Соин-хана) и Эсен-хана.

Последний считается иногда также предком некоторых соседних народов — каракалпаков, казахов и узбеков. По наиболее распространенному варианту в XVI в. в состав эсенхановских туркмен входили арабачи, абдалы, чоудоры, игдыры, гоклены и ряд других племен. По второй версии гоклены входили в состав соинхановских туркмен, вероятно, потому, что жили на территории, занятой этими последними. Исходя из совокупности некоторых этнографических данных, мы склонны считать первую версию более правильной.

Соинхановскими туркменами, по иранским историческим источникам начала XVI в., считались только туркмены, живущие между Атреком и Гюргеном, но туркменские исторические предания включали в состав туркмен Союн-хана большую группу близко родственных племен, занимавших обширную территорию от Атрека до Мангышлака, в которую входили салоры, эймиры, сарыки, теке, иомуты и эрсари⁵. Этническая близость племен каждой из этих групп подтверждается близостью элементов их материальной и духовной культуры.

Как видно, анализ генеалогий (родословных) и исторических преданий может дать много интересного материала при изучении этногенеза.

Однако следует отметить, что при всей своей значимости памятники этого рода требуют особо критического подхода и могут быть использованы лишь с очень большой осторожностью. Дело в том, что шеджере, а также предания о родине и передвижениях племен обычно составлялись под влиянием родо-племенной феодализирующейся знати, стремившейся доказать свое прямое происхождение от огузов. Поэтому почти на каждом шеджере лежит отпечаток некоторой тенденциозности. Сохранявшееся в дореволюционный период деление туркмен на «чисто-

⁴ Полевые записи автора, август 1955 г., июнь 1959 г., в Калининском районе ТуркмССР; А. Джикиев, Материалы по этнографии мангышлакских туркмен, Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР, т. VII, серия этнографическая, Ашхабад, 1963, стр. 198, 199; у каракалпаков она записана Т. А. Жданко, см. Т. А. Жданко, Каракалпаки Хорезмского оазиса, Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 480. На Мангышлаке вариант этой легенды зафиксирован в 1910 г., см. Р. Карутц, Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке, СПб., б/г., стр. 14.

⁵ По шеджере, опубликованному Н. Н. Иомудским, Эсен-хан идентичен Огуз-хану, предку всех туркмен, а Союн-хан — Алп-Арслану Сельджуку, а также хану Батью.

кровных» — *иг* и рабов — *кул* подкреплялось именно родословными. Племена также делились на более древние, уважаемые, якобы ведущие свое начало от потомков Огуза, и на примкнувшие к огузам в более позднее время или же происходящие от «не-огузов» (татов, калмыков, иранцев и т. д.). Конечно, шеджере в известной мере отражают подлинные этнические связи народа, но следует учитывать, что эти предания безусловно подверглись сильной обработке идеологов патриархально-феодалной знати. Марксистская историческая наука не знает «чистых» народов или племен. Этногенез — сложный, многовековой процесс. Всякий народ формируется из различных этнических компонентов, включающих как местное древнее население, так и более поздних пришельцев, иногда даже из далеких районов. Поэтому самые «чисто туркменские» племена, связывающие свое происхождение с потомками Огуз-хана или выводящие своих предков с берегов Иссык-Куля, как например, гоклены, несомненно, после прихода на территорию Туркмении включили в свой состав и более древнее местное население и более поздние, послеогузские элементы.

Интересные сведения для изучения этногенеза туркмен дают эпос и обрядовый фольклор. Они позволяют установить этнические связи с иранскими и другими тюркскими племенами и народами как древних, так и более поздних периодов. Эти источники при изучении этногенеза туркмен до сих пор используются совершенно недостаточно, значительно меньше, чем шеджере. Между тем, такие монументальные эпические сказания, как «Гör-оглы», «Китаби-Коркуд» и др., содержат много важных сведений для уточнения этнической истории туркменского народа. В дестане «Китаби-Коркуд» отражены события, происходившие среди огузов в Средней Азии, картины быта и нравов персонажей эпоса, которые имеют свои аналогии в этнографии туркмен. Особенно важна «Песнь о том, как был разграблен дом Салор-Казана», имеющая исторически достоверную среднеазиатскую основу. Это предание, вероятно, сохранялось среди туркмен до XVII в., когда было записано ханом Абул-Гази и вошло в «Шеджере-и-теракиме».

Сравнительно недавно у туркмен-чоудоров, проживающих на территории Туркменской ССР, была записана среднеазиатская версия эпоса о Коркуд-ата, которая, несомненно, станет ценным источником при изучении этногенеза туркмен.

Данные туркменской материальной культуры и прикладного искусства дают возможность выявить особенности культуры отдельных племен, свидетельствующие о своеобразии формирования различных этнических компонентов, вошедших в состав этих племен, а также установить этнические связи туркмен с другими народами, населяющими или населявшими в прошлом Среднюю Азию.

Значительный интерес в этом плане представляют ювелирные изделия туркмен. У большинства туркменских групп они совершенно своеобразны и по форме, орнаменту и характеру отделки почти не имеют аналогий с украшениями других среднеазиатских народов. Это наводит на мысль о том, что объяснение самобытности форм туркменских украшений надо искать в связях с древними и средневековыми народами.

Археологический материал смежных территорий дает нам некоторые любопытные доказательства этнической преемственности туркмен от древних ираноязычных обитателей западной части Средней Азии. Так, при раскопках в Старой и Новой Нисе (Южная Туркмения) была найдена масса небольших фигурных бляшек (II в. до н. э. — III в. н. э.) из золота, серебра и бронзы, видимо, нашивавшихся на грудь женских

и мужских костюмов парфян. Эта манера украшать костюм дожила у туркмен до наших дней: праздничный костюм молодых женщин-туркменок (платья и халаты) украшен спереди множеством серебряных круглых и узорных бляшек.

Еще более поразительное и, с нашей точки зрения, неслучайное сходство обнаруживается в нагрудных и наплечных серебряных украшениях туркменок (*гульяка* и *бозбент*) с золотыми и бронзовыми украшениями из могильников Верхняя Рутха, Чми и Камунта (Осетия)⁶. Судя по имеющимся с нижней стороны петелькам, они навешивались на одежду; возможно, по мере изучения туркменский материал позволит еще более точно определить их назначение. Могильники эти датируются VI—VIII вв. н. э. и принадлежат аланам, пришедшим еще в древности на юг Восточной Европы с территории Средней Азии и участвовавшим в этногенезе осетин. Советскими учеными неоднократно высказывалась мысль о непосредственном участии алан и в этногенезе туркмен⁷. Аналогии, прослеженные в материальной культуре, и ряд других общих элементов (наземные захоронения, значительные пережитки матриархата, отраженные в эпосе, и т. д.) подкрепляют мнение об этнической связи кавказских алан с некоторыми среднеазиатскими народами, в том числе и с туркменами.

Значительное сходство с указанными выше туркменскими украшениями по форме и особенно по орнаменту имеют фибулы *төөнөч* южных киргизов⁸. (Ниже мы еще вернемся к связям между этими двумя народами.)

В свое время С. П. Толстов обратил внимание исследователей на сходство отдельных элементов одежды туркмен и некоторых народов Поволжья — удмуртов, чувашей и др., основанное на этнических связях этих народов в древности и средневековье с народами, обитавшими на территории формирования туркмен⁹. Так, определенное сходство обнаруживается в форме и украшениях девичьей тюбетейки башкир с туркменской девичьей шапочкой, украшенной серебряными монетами и серебряным колпачком с навершием¹⁰.

Этнические связи туркмен с башкирами прослеживаются и в вышивке. Несмотря на значительную роль этого вида прикладного искусства в быту туркмен, техника вышивки не отличается большим разнообразием: туркмены знают три основных вида вышивального шва. Первый шов — *ак-кайма*, весьма своеобразный, не имеет пока этнографических параллелей. Он бытует у южных туркмен — текинцев, сарыков, частично у гокленов и др. Весьма вероятно, что своим происхождением он связан с древним местным населением. Второй шов — *коджиме*, распространенный на большей части территории Туркмении, также весьма своеобразный, не встречается у других народов Средней Азии, за исключением южных киргизов, но довольно широко известен у башкир¹¹. Факт бытования этого шва, а также других элементов материальной культуры, указанных выше, у народов, живущих столь отдаленно друг

⁶ «Материалы по археологии Кавказа», т. VIII, М., 1900, табл. LXI (4), CI (3, 7), CXXV (15—16, 18).

⁷ С. П. Толстов, Основные вопросы древней истории Средней Азии, «Вестник древней истории», 1938, № 1 (2), стр. 196—197; А. Бахтияров, Осколки «исчезнувших» аланов, «Туркменоведение», 1930, № 8—9, стр. 39—40; А. А. Росляков, Происхождение туркменского народа, Ашхабад, 1962, стр. 11 и др.

⁸ К. И. Антипина, Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов, Фрунзе, 1962, стр. 263, рис. 156.

⁹ S. Tolstov, Les principales étapes du développement de la civilisation teriouxkhanne, «Eurasia Septentrionalis Antiqua», VI, 1930.

¹⁰ С. И. Руденко, Башкиры, М.—Л., 1955, стр. 191, рис. 161а

¹¹ К. И. Антипина, Указ. раб., стр. 110; С. И. Руденко, Указ. раб., стр. 292, рис. 258.

от друга, и поэтому исключаящий возможность культурного заимствования, позволяет предполагать в составе туркмен, башкир и южных киргизов какой-то общий этнический компонент. Аналогии в археологическом материале, возможно, еще недостаточно полные, уводят нас к гуннскому пласту на Алтай и в Монголию¹². Вопрос о том, кто из древних или средневековых племен, вошедших в состав указанных народов, принес им, в частности, эту технику вышивки, пока неясен и требует дальнейшего изучения. И, наконец, третий шов, тамбурный — *ильме*, имеющийся у многих народов Средней Азии и прилегающих территорий, в настоящее время встречается главным образом у западных иомутов, а еще в недавнем прошлом был распространен среди чоудоров, игдыров, арабачей, вероятно, гокленов, части иомутов и живущих на Мангышлаке ходжа и шихов, т. е. в основном среди тех племен, которые входили в состав эсенхановских туркмен и таким образом более других были связаны с огузским пластом.

В этом плане интересно также сходство в форме и орнаменте старинных девичьих конусообразных шапочек гокленов, чоудоров и арабачей, видимо, тоже подтверждающее близость их происхождения. Старинный высокий женский головной убор *касава*, распространенный в прошлом у иомутов, судя по описанию Гладышева, имел, вероятно, общее происхождение с головным женским убором казахских племен, живших в XVIII в. на Мангышлаке, а также каракалпачек (Гладышев называет этот убор *касавые*). В более позднее время бытование головного убора с названием *касава* отмечено К. Л. Задыхиной у северных узбеков Хорезма; у узбеков-локайцев *касаба* называлось только серебряное налобное украшение с подвесками¹³. Объем статьи не позволяет нам останавливаться на анализе других элементов материальной культуры и прикладного искусства, хотя аналогии можно было бы продолжить. Скажем лишь, что ковроткачество — одно из самых совершенных видов туркменского прикладного искусства — в свое время было широко использовано для выяснения вопросов этногенеза этнографом-искусствоведом В. Г. Мошковой. Интересный этногенетический материал дает рассмотрение типов юрт, бытовавших среди различных туркменских племен; что касается оседлого жилища, то изучение его позволяет отметить в нем ряд черт, имеющих очень древние традиции.

Важным этнографическим источником для исследования вопросов этногенеза следует считать обычаи и обряды, передающиеся из поколения в поколение и позволяющие, пожалуй, лучше всех остальных источников заглянуть в более далекий период истории. Группа обрядов, аналогичных древним земледельческим обрядам, бытовавшим до недавнего времени у таджиков и части узбеков, свидетельствует о наличии в составе туркмен древнего ираноязычного пласта, аборигенов долин и оазисов. К этой группе относятся празднование Нового года (*Ноуруз-байрам*), праздник *харман-той* в честь Деда-земледельца (*Баба-дайхана*), ритуальный обряд возрождения растительности — *семелек* (*семене*) и др., сохранившиеся до наших дней у туркмен прикопетдагских районов, Марыйского и Хорезмского оазисов и долины Аму-Дарьи. В ту же группу, вероятно, входит и спортивное состязание в стрельбе из лука — *алтын-кабак*, известное под этим названием узбекам, казахам,

¹² С. И. Руденко, Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.— Л., 1953; С. Trever, Excavations in Northern Mongolia, L., 1932, табл. 12, 13, 16, 18.

¹³ «Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—41 гг. Гладышевым и Муравиным». Издано Я. В. Ханыковым, СПб., 1851, стр. 69, 70; К. Л. Задыхина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, Труды Хорезмской экспедиции, т. I, стр. 378; материалы Б. Х. Кармышевой из фондов Музея им. М. С. Андреева в г. Душанбе, № 13—149.

и некоторым группам туркмен Хорезма. А. Н. Самойлович присутствовал на подобном же состязании у текинцев в Марыйском оазисе. Судя по описанию Абул-Гази в «Родословной туркмен», оно бытовало также у огузских племен. Вместе с тем оно было известно и более древним ираноязычным народам Средней Азии. Доказательством этого служит наличие до недавнего времени подобного же состязания у горных таджиков и осетин. У последних оно даже сохраняет название, близкое к среднеазиатскому — *кабах*. О том, что у осетин это, несомненно, аланская традиция, связанная своими корнями со Средней Азией, свидетельствует красочное описание состязаний в стрельбе из лука в осетинском нартском эпосе¹⁴.

Вторая группа обрядов, наблюдаемых также у некоторых соседних тюркоязычных народов, — иного происхождения: она связана своими корнями с кочевыми или полукочевыми обитателями степей и пустынь. Отметим один из таких обрядов: свадебное состязание *кӱк-бӱри*, впервые описанное А. Вамбери в середине XIX в. у туркмен. У сарыков оно сохранилось под этим названием до наших дней, но в несколько иной форме, чем наблюдал Вамбери; у салыров и некоторых туркменских групп Средней Аму-Дарьи — арабачей, чандыров, хыдыр-эли это состязание, организуемое и на других больших праздниках, называется *овлак чанды* или *овлак чандырмак* (букв. скакать с ягненком). Сохраняется это состязание также у части узбеков и казахов (у последних оно называется *кыз-бӱри*)¹⁵.

Вся совокупность приведенного здесь материала, несомненно, свидетельствует, что в этногенезе туркмен значительную роль сыграло местное ирано- и тюркоязычное доогузское население. Родство отдельных групп современных туркмен с аборигенным населением оазисов и побережья Каспийского моря уже прослежено в ряде работ, опубликованных этнографами¹⁶.

Имеющийся этнографический материал дает новые доказательства этой этнической связи. Об этом свидетельствуют, как показано, родовые названия (*алан*, *абдал* и др.), многие элементы материальной культуры (одежда и украшения, жилище, техника земледелия и ирригации и т. д.), а также ряд обрядов и праздников, известных у древних земледельцев Средней Азии (Ноуруз, Праздник урожая и т. д.) и бытовавших у отдельных групп туркмен до недавнего времени.

Этногенетическая связь туркмен с племенами огузского цикла, прослеженная в родо-племенных названиях, сказаниях и легендах, становится более реальной, если обратить внимание на то, что в материальной культуре туркменских племен, лучше других сохранивших среди своих этнонимов огузские (гокланы, чоудоры), обнаруживаются общие черты, присущие только этим племенам. Племенные деления туркмен Турции, а также элементы их материальной и духовной культуры дополняют доказательства этой связи.

¹⁴ М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, I, Сталинабад, 1953, стр. 139—140; «Осетинские нартские сказания», Дзауджикау, 1948; полевые записи Б. А. Калоева, Архив Ин-та этнографии АН СССР.

¹⁵ А. Вамбери, Путешествие по Средней Азии, М., 1874, стр. 280—281; А. Н. Самойлович наблюдал его в 1906 г. у самаркандских узбеков, см. А. Н. Самойлович, Туркменские развлечения, «Ежегодник русского антропологического о-ва при Санкт-Петербургском ун-те», т. III, СПб., 1909, стр. 71.

¹⁶ Г. П. Васильева, Туркмены-нохурли, Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXI, М., 1954; Д. М. Овезов, Племя мурчали, Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. IX, Ашхабад, 1959; А. Джикиев, Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря, Ашхабад, 1961.

Кроме племен огузского цикла, на более поздних этапах в этногенезе туркмен участвовали также и другие тюркоязычные племена, в частности, входившие в состав кыпчакского племенного союза. Участие кыпчаков в формировании туркменской народности подтверждается рядом элементов материальной и духовной культуры, общих для туркмен и народов, в происхождении которых кыпчаки сыграли большую роль, — казахов, башкир, узбеков-локайцев и др.

Важным доказательством следов пребывания кыпчаков в центре этнической территории туркмен (в частности, туркмен соинхановского юрта, у которых мы прослеживаем кыпчакские элементы культуры) служит топонимика. Так, во времена Надир-шаха и даже в начале XIX в. степь к югу от Мангышлака до р. Чандыр называлась также Дешти-Кыпчак, а иомуты считались ее основными обитателями¹⁷.

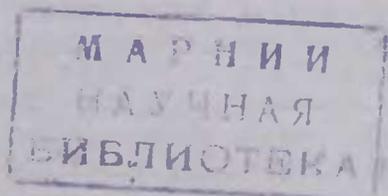
В более поздний период в состав туркмен вошли новые этнические компоненты, которые отражены в таких родовых наименованиях, как *калмык*, *могол*, *тибет*, *тат*, однако они не меняли общей картины основного процесса этногенеза и не оказали большого влияния на окончательное формирование туркменского народа.

SUMMARY

The diverse materials on which the author of the article has drawn, warrant the conclusion that the indigenous Iranian- and Turkic-speaking (pre-Oghuz) population played an important part in the ethnic formation of the Turkmenians. This is borne out by tribal names (Alani, Abdali and others), by many elements of material culture (clothing, ornamentation, dwellings, agricultural and irrigation techniques, etc.) and also by certain rites and festivities which the ancient agriculturists observed and which were retained until recently by certain groups of the Turkmenian population.

The main part in the ethnic formation of the Turkmenians was played by tribes of the Oghuz cycle. This can be seen from tribal names, legends and traditions, and from relics of material culture. The materials cited by the author show that the tribes which have retained their Oghuz ethnic names better than others (e. g., the Goklens and Choudors) also have certain common features in their material culture, peculiar to them alone. At later historical stages, other Turkic-speaking tribes contributed to the ethnic formation of the Turkmenians — specifically tribes of the Kipchak federation. This is substantiated by certain data cited in the article; of definite interest among these are toponymic data.

¹⁷ «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, М.—Л., 1938, стр. 117, 130—132, 135, 161.

**ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ
СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ
(на примере народов Средней Азии
и Казахстана)**

В послевоенные годы у всех народов нашей страны произошли существенные изменения в разных сферах материальной культуры. На эти изменения влияли различные процессы: консолидация наций и дальнейшее сближение культур отдельных народов; общие закономерности развития социалистической экономики и культуры; крупные перемещения населения в связи со стройками последних пятилеток и процесс урбанизации сельского населения. В результате сближения условий жизни города и деревни происходит модернизация и стандартизация быта, все шире распространяются общие для всех народов СССР современные урбанизированные, так называемые «городские» формы материальной культуры.

Социалистическое переустройство быта, включавшее также реконструкцию городов и сельских поселений Средней Азии и Казахстана, способствовало унификации типов и форм жилища, стиранию различий между городами и сельскими поселками, бытовыми условиями жизни в городе и на селе. Огромное значение в этом отношении имели электрификация и газификация. По внешнему виду, планировке, строительной технике жилища разных народов Средней Азии и Казахстана мало различаются. Во многих случаях это обусловлено сходными климатическими условиями, одинаковыми строительными материалами и сходством техники строительства. Важную роль в унификации типов жилища сыграло массовое строительство домов по типовым проектам в новых поселках, возникших на вновь осваиваемых землях, или перестройка старых домов в уже существовавших поселках. Правда, планировка типовых домов в дальнейшем в известной степени корректировалась самими колхозниками согласно их национальным традициям и индивидуальным вкусам. В настоящее время можно уже говорить о сложении определенного среднеазиатского типа жилища с новыми общими для большинства этих районов (кроме Северной Киргизии) традициями планировки (выделение для гостей лучшей и большей комнаты в доме, а не отдельного помещения, как раньше, повсеместное распространение в сельских местностях террас-айванов, вынесение летней кухни во двор, использование для сна и отдыха в летнее время деревянных настилов в саду или возле дома и т. д.), что, разумеется, не исключает сохранения локальных вариантов.

Несколько иные традиции в типах и планировке домов наблюдаются у кочевых или полукочевых в прошлом народов — казахов и северных киргизов¹. Оседлое жилище этих народов складывалось в основном в годы Советской власти под влиянием, с одной стороны, живших здесь русских и украинцев, а с другой — среднеазиатских народов — уйгуров, узбеков. В результате у них создан тип дома, несколько отличный от среднеазиатского.

Что же касается костюма народов Средней Азии и Казахстана, то в нем в разной степени сочетаются элементы традиционной одежды с общеевропейскими городскими формами, причем в мужском костюме традиционных черт сохраняется значительно меньше, чем в женском. Люди старшего возраста, в первую очередь женщины, в сельской местности, особенно на периферии региона, сохраняют, как правило, свой традиционный костюм. Правда, в последние десятилетия он несколько модернизировался, так как отдельные элементы костюма (обувь, белье

¹ Южная Киргизия, расположенная в основном на территории Ферганской долины и окружающих ее горных склонов Тянь-Шаня и Памиро-Алая, входила в область распространения среднеазиатских традиций.

и некоторые виды одежды) покупаются в магазине. В центральных районах республик и вокруг больших городов в результате длительных этнокультурных контактов разных народов можно проследить тенденцию к возникновению общесреднеазиатского костюма.

Таким образом, процесс сближения культурно-бытовых черт разных народов является непосредственным следствием усиления культурных контактов. Вместе с тем в материальной культуре идет и другой процесс — развитие и укрепление позитивных элементов традиционной национальной культуры.

О тенденциях развития современных национальных традиций в материальной культуре народов Средней Азии и Казахстана нам уже приходилось писать². Здесь же хотелось остановиться на том, как указанные выше процессы отражаются в культуре и быту каждой отдельной семьи и, что не менее важно, как изучение материальной культуры помогает получить интересные, иногда весьма важные данные для характеристики ряда глубинных явлений семейного быта, форм и структуры семьи.

При написании статьи были использованы работы советских этнографов, изучающих культуру и быт сельского населения республик Средней Азии и Казахстана, а также полевые материалы автора по туркменам. Хронологически все эти материалы охватывают в основном 1960-е — начало 1970-х годов.

Известно, что семья выполняет не только биологическую, многие социальные и бытовые функции, но и является микросредой этнических процессов; в структуре семьи и в семейном быту наиболее устойчиво сохраняются черты этнической специфики. Изучение семьи позволяет проследить ряд этносоциальных процессов, степень развития новых, общесоветских и изменение традиционных элементов культуры и быта, в том числе динамику изменений, происходящих в области материальной культуры.

О связи жилища с формой социального коллектива, населяющего его, писали многие исследователи. С. А. Токарев, например, пишет: «Жилище, как и любой другой предмет материальной культуры, не существует для этнографа вне своего социального бытования»³. М. О. Косвен считал, что история жилища является «выразительной иллюстрацией» к истории семьи⁴. А. Н. Кондауров и Н. А. Кисляков, изучая семейную общину горных таджиков, выявили непосредственную тесную связь между формами семьи и характером жилища, его размерами, планировкой и т. д.⁵

Историю развития семьи в средние века на материалах поселений и жилища по археологическим данным в одной из крупных историко-этнографических областей Средней Азии — Хорезме исследовала Е. Е. Неразик⁶; о том, насколько тесно связано изменение форм жилища с развитием современной семьи у узбеков и таджиков, писали, основываясь на своих материалах, А. Н. Жилина и Ф. Д. Люшкевич⁷.

² Васильева Г. П. Некоторые тенденции развития современных национальных традиций в материальной культуре народов Средней Азии и Казахстана. — Сов. этнография, 1979, № 3.

³ Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры. — Сов. этнография, 1970, № 4, с. 14—15.

⁴ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М.: Изд-во восточной литературы, 1961, с. 103.

⁵ Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло, М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1936, с. 59; Кондауров А. Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1940, с. 40 и сл.

⁶ Неразик Е. Е. Поселения и жилище Хорезма как источник для исследования семьи в I—XIV вв. н. э.— В кн.: Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1978.

⁷ Жилина А. Н. Традиционные черты в современном жилище Хорезма. — Сов. этнография, 1969, № 3; *её же*. Жилище и семья у узбеков. — В кн.: Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана; Люшкевич Ф. Д. Новое в развитии современной семьи и внутрисемейных отношений у узбеков и таджиков Бухарского оазиса. — В кн.: Этнографические аспекты изучения современности. Л.: Наука, 1980.

Большинство указанных выше авторов исследовали наряду с малой и бытовавшие здесь более ранние формы семьи — семейную общину, неразделенную семью и т. д. В наши дни наиболее распространенной формой, как известно, является малая семья. Так, по данным узбекского этнографа С. М. Мирхасилова, более половины сельских семей в Узбекистане — малые⁸. У народов среднеазиатского региона малая семья в целом больше по величине, чем у основных народов других союзных республик СССР⁹. Однако в сельских районах Узбекистана нередкими являются и неразделенные семьи. Они составляют около трети всех узбекских семей на селе¹⁰. В сельских районах других республик региона соотношение малых и неразделенных семей примерно то же.

Изучая быт семьи, исследователь неизбежно должен обращаться к жилищу, в котором она обитает. Функциональное распределение помещений, их характер, интерьер, форма хозяйственных построек свидетельствуют о многих сторонах быта семьи, ее социальной и национальной структуре. Вместе с тем наличие некоторых элементов архаики в семейно-родственных отношениях народов, недавно еще сохранявших патриархально-феодалные пережитки в быту и реликты родо-племенного деления, сказывается и на характере современного жилища и на использовании его. Исследователи отмечают, что даже в новых поселках, возникших в 1960-е—1970-е годы, семьи братьев, отца и сыновей, а иногда и более далеких родственников стараются получить участки рядом или, в крайнем случае, на одной улице, неподалеку друг от друга. Особенно прочно эта традиция сохраняется у узбеков, таджиков и туркмен¹¹. Зачастую семьи братьев или отца и старшего сына строят один дом, оставляя соседний участок пустым и используя его для огорода, или же, поставив дома на своих участках, совместно пользуются оставшимися частями приусадебных участков¹². В старых поселках такие родственные, экономически самостоятельные, но сохраняющие тесные связи семьи узбеков и таджиков живут обычно в одной большой усадьбе, разделенной на семейные ячейки¹³. У узбеков Хорезма это обособление малых семей, живущих в общем доме, проявляется в наличии нескольких (двух-трех) даланов (крытых коридоров-проездов) внутри усадьбы, вокруг которых группируются комнаты отдельной семьи¹⁴. В меньшей степени такая тенденция сохранилась у казахов, поселки которых в большинстве районов обычно многонациональны¹⁵. В основном и в старых, и в новых среднеазиатских поселках сохраняется традиционный характер расположения домов по отношению к улице. Вход в дом, обращенный к улице обычно глухой стеной, обязательно делается со двора, хотя теперь уже во многих домах и в наружной стене имеются окна. В этом одно из проявлений ликвидации строгой изоляции семейного быта, характерной в прошлом для народов Средней Азии. У казахов такое расположение домов сохраняется чаще всего в южных районах, примыкающих к Узбекистану; в остальной части республики, особенно в совхозных поселках, фасад дома повернут к улице¹⁶. В этом сказывается дав-

⁸ Мирхасилов С. М. Социально-культурные изменения и отражение их в современной семье сельского населения Узбекистана. — Сов. этнография, 1979, № 1.

⁹ По переписи 1979 г. средний размер сельской семьи в целом по СССР — 3,8 чел., у туркмен — 6,5, у таджиков — 6,7, у узбеков — 6,3, киргизов — 5,8 и казахов — 5,7 чел. Из других народов СССР лишь у азербайджанцев — 5,9 чел. (Вестн. статистики, 1981, № 2).

¹⁰ Мирхасилов С. М. Указ. раб.

¹¹ Жилина А. Н. Жилище и семья у узбеков, с. 77; Хамиджанова М. А. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли. Душанбе: Донш, 1974, с. 57; Полевые материалы автора 1963, 1966, 1968—1971 гг. и др. — Архив ИЭ АН СССР.

¹² Жилина А. Н. Жилище и семья у узбеков, с. 75—76; Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 68—69.

¹³ Люшкевич Ф. Д. Указ. раб.

¹⁴ Жилина А. Н. Жилище и семья у узбеков, с. 81.

¹⁵ Востров В. В., Кауанова Х. А. Материальная культура казахского народа на современном этапе. Алма-Ата: Наука, 1972, с. 116.

¹⁶ Культура и быт казахского аула. Алма-Ата: Наука, 1967, с. 92.

нее влияние русских и украинских поселенцев, живущих зачастую в одном поселке с казахами.

Лишь в старых таджикских и узбекских селениях остались высокие глинобитные стены, огораживающие участок со всех сторон. Во двор ведут калитка или ворота; соседние усадьбы соединены обычно небольшой калиткой. В современных же поселках заборы сделаны из штакетника, камыша или хвороста. Иногда имеется невысокая глинобитная ограда или просто живая изгородь из кустарников и ряда деревьев¹⁷. Усадьбы братьев или других близких родственников, как правило, чаще всего вовсе не разгорожены, иногда же границы участков обозначаются рядом тополей. У таджиков Дарваза замечена и такая закономерность: если между родственными семьями сохраняются хорошие отношения, входы стараются сделать рядом. Если женщины этих семей не ладят — то подальше или пробивают новый вход на другой стороне дома¹⁸. Хозяйственные постройки, как правило, выносят в заднюю часть двора, что позволяет держать жилые помещения в чистоте. Летняя, а иногда и зимняя кухни также строятся отдельно от жилого дома.

Размеры дома и его планировка зависят от разных причин: величины семьи и ее формы, социального состава, материальных возможностей. В подавляющем большинстве случаев дом бывает трех-четырёхкомнатный, с коридором (*дахлиз*, *далан* — узб.) посередине и верандой-айваном. У таджиков и казахов эти коридоры еще в недавнем прошлом часто служили и зимней кухней¹⁹.

В новых домах делают застекленные веранды, расположенные либо под углом к комнатам, либо (чаще) вдоль всех жилых комнат; в старых домах айваны с внутренней стороны дома обычно не застеклены. Летом почти повсеместно они служат основным жилым помещением для семьи. Новые дома как в старых, так и во вновь возникших поселках обязательно строятся на фундаменте, имеют деревянные полы и потолки, большие окна.

Во многих новых колхозных и совхозных селениях в дома проведен водопровод, имеется паровое отопление. Пищу стали готовить на газе²⁰.

Все исследователи, изучавшие жилище народов Средней Азии и Казахстана, пишут о быстро растущей тенденции к новому функциональному распределению жилых помещений в современных домах, построенных по типовым проектам, и даже в домах традиционной планировки. Наряду с гостиной (традиционные *михман-хана* — узб.; *тор-уй*, *конак-уй* — каз., и др.) — самой лучшей и большой комнатой, обставленной богаче других, почти везде стали выделять своего рода «детскую» — комнату, в которой дети готовят уроки и спят. У киргизов, например, для приготовления уроков отводится особая комната, в которой нередко размещается и домашняя библиотека²¹. В новых домах колхозников обычно есть спальня, столовая, в домах сельской интеллигенции — иногда и кабинет²². Старикам-родителям обязательно отводится отдельная комната. У народов, в быту которых еще сохраняется юрта (киргизы, туркмены и др.), старшие члены семьи иногда живут в ней до наступления холодов. У каракалпаков же летом в юрту переселяются и молодые. В тех семьях, где старики живут вместе с молодыми, перед домом ста-

¹⁷ Там же; *Хамиджанова М. А.* Указ. раб., с. 63.

¹⁸ Таджики Каратегина и Дарваза. В. П. Душанбе; Дониш, 1970, с. 21.

¹⁹ *Хамиджанова М. А.* Указ. раб., с. 68; *Востров В. В., Кауанова Х. А.* Указ. раб., с. 115; Этнографические очерки узбекского сельского населения. М.: Наука, 1969, с. 171.

²⁰ *Алымбаева Б.* Поселения и жилища кетмень-тюбинских киргизов. — В кн.: *Культура и быт кетмень-тюбинских киргизов* (по материалам этнографической экспедиции 1973 г.). Фрунзе: Илим, 1979, с. 79; *Хамиджанова М. А.* Указ. раб., с. 71; *Абрамзон С. М., Симаков Г. Н., Фирштейн Л. А.* Новь киргизского села. — Сов. этнография, 1974, № 5, с. 34—35; *Культура и быт казахского аула*, с. 103.

²¹ *Абрамзон С. М., Симаков Г. Н., Фирштейн Л. А.* Указ. раб., с. 35.

²² Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 161, 171; *Жилина А. Н.* Жилище и семья у узбеков, с. 80; *Востров В. В., Кауанова Х. А.* Указ. раб., с. 118—119; *Васильева Г. П.* Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М.: Наука, 1969, с. 191; *Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана.* Душанбе: Дониш, 1973, с. 103—104.

вят обычно две юрты — для старших и для младших членов семьи. Юрта молодых, как правило, более нарядная. Это объясняется тем, что все предметы убранства в ней новые, так как изготавливаются они молодой обычно накануне замужества и привозятся в дом мужа в качестве подарка²³.

У таджиков дети, особенно девочки 13—14 лет, чаще всего спят в комнате бабушки; мальчики этого возраста на ночь размещаются в михман-хане²⁴. Михман-хана используется иногда и как комната для молодоженов (до выдела сына)²⁵. Прежде михман-хана часто строилась отдельно от основного дома или юрты, где размещалась семья, и служила для приема гостей — мужчин²⁶. Теперь для михман-хан, как указывалось, выделяется лучшая комната в основном доме. В ней наряду с традиционной обстановкой имеется и городская мебель. Здесь по вечерам, если нет гостей, женщины и дети смотрят телевизор²⁷.

Интересно отметить новое явление, уже становящееся традицией у большинства народов Средней Азии и Казахстана и отражающее не только рост материального благосостояния сельского населения, но и сочетание двух тенденций в преобразовании их быта — его интернационализацию и развитие национальных форм. Речь идет о появлении во многих сельских домах двух гостиных — одна, сохраняющая национальный стиль, имеет традиционное убранство, другая обычно обставлена городской мебелью. Киргизы Прииссыккулья помещают некоторые предметы городской мебели и в гостиной, обставленной по-традиционному²⁸. У таджиков Дальверзина в первой принимают родственников и близких знакомых, во второй — особо почетных гостей и приезжих из города. Тот же принцип распределения гостиных соблюдается и у туркмен²⁹.

В том случае, если михман-хана убрана по-городскому, а второй в доме нет, то «своих» гостей таджики обычно принимают на айване или в одной из больших комнат, убранных в традиционном стиле или с минимальным количеством городской мебели³⁰. Летом близких гостей зачастую принимают там, где сами проводят большую часть времени — во дворе на настиле из досок (*тахта*), широкой железной кровати (*каравот* — узб.) или глинобитной, приподнятой на 20—30 см над уровнем земли площадке (*сна* — туркм., *суфа* — узб.), находящейся под деревьями или навесом из жердей, обвитых виноградными лозами.

В Араванском районе Ошской области Киргизии исследователями отмечено появление еще одной гостиной, предназначенной специально для молодежи (*джаны (яны)-уй* — кирг.). Обычно это длинная комната, пристроенная к стене прямоугольного в плане четырехкамерного дома с выходом на узкую сторону айвана. Здесь собираются юноши и девушки, угощаются за длинным столом, занимающим большую часть комнаты, танцуют, развлекаются³¹.

Чрезвычайно важный материал для характеристики семьи и внутрисемейных отношений дает изучение интерьера, в котором ярко выражена этническая специфика.

²³ Этнография каракалпаков. XIX — начало XX в. (Материалы и исследования). Ташкент: ФАН, 1980, с. 38—39.

²⁴ Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 76.

²⁵ Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 161; *Моногорова Л. Ф.* Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М.: Наука, 1972, с. 92; Таджики Каратегина и Дарваза, с. 57.

²⁶ В наши дни у узбеков в гостиной зачастую принимают как мужчин, так и женщин (Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 160; *Жилина А. Н.* Жилище и семья у узбеков, с. 88); Таджики и туркмены женщин-гостей, как правило, принимают в обычном жилом помещении (Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 75; Полевые материалы автора 1968, 1969, 1971 гг. и др.).

²⁷ Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 75.

²⁸ Абрамзон С. М., Симаков Г. Н., Фирштейн Л. А. Указ. раб., с. 35; Полевые наблюдения автора. Совхоз Оргочор Тонского района, 1981 г.

²⁹ Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 74; Полевые материалы автора, 1981 г.

³⁰ Хамиджанова М. А. Указ. раб.

³¹ Устное сообщение ст. научного сотрудника Ин-та истории АН КиргССР Б. Алым-баевой.

Убранство комнат среднеазиатского и казахского жилища чрезвычайно красочно и в большей или меньшей степени сохраняет традиционные черты. Так, у таджиков и узбеков большинства районов и у южных киргизов в стенах комнат делается много ниш разного размера квадратной или прямоугольной формы, используемых для размещения домашних вещей и утвари. Таджики Дальверзина устраивают в торцовой стене три ниши, из которых средняя делается больше других (в нее на день складывают постельные принадлежности)³². У узбеков центральных районов республики и равнинных таджиков в стене, противоположной входу, по традиции делают две большие широкие ниши, куда на день складывают постели, и одну узкую между ними. В боковых стенах ниши обычно встречаются значительно реже, а иногда их и вовсе нет³³. Прежде большие ниши обычно занавешивали занавесками, сузани или тушкнизами, теперь закрывают застекленными дверцами³⁴. Пол покрывают коврами, паласами, войлоками и т. п. в зависимости от материальных возможностей семьи.

Обязательным элементом интерьера домов казахов и северных киргизов, убранных в национальном стиле, являются подставка (*джук аяк* — каз.) или сундук (*сандык* — кирг.) со сложенными на них одеялами, ткаными и войлочными коврами, подушками и пр.³⁵ У туркмен роль такой подставки (*йукери, телер* — туркм.) иногда выполняют кровать, на которой обычно не спят, или невысокий шкафчик³⁶. Кровати у казахов и северных киргизов убирают подзорами, покрывают красивыми покрывалами, на которые кладут украшенные кружевными прошвами подушки. Занавески на окнах и полотенца в простенках между ними свидетельствуют о давнем влиянии русских: эти предметы убранства казахи и киргизы теперь считают национальными.

Городская мебель и предметы городского быта в том или ином количестве имеются во всех домах, хотя и не во всех комнатах в равной степени.

В домах сельской интеллигенции и колхозных механизаторов мебели больше и она используется более активно, чем в домах рядовых колхозников, особенно если там нет взрослой молодежи, обучающейся в высших и средних специальных заведениях. Обычно лучшая мебель и гарнитуры сосредоточены в гостиной; комната стариков бывает убрана в традиционном стиле. Юрта, как правило, сохраняет традиционное убранство, хотя и в ней появляются предметы городского быта — диван, стол, радиоприемник и др.³⁷

Проникновение в дом городской мебели и предметов современного быта зависит от многих причин, и в первую очередь от социальной принадлежности и культурного уровня взрослых членов семьи, роли и авторитета старших ее членов, степени приверженности к традиционной культуре и др.

Изучение народного костюма также дает возможность понять ряд характерных черт семейного быта.

Растущий уровень культуры и материального благосостояния советских людей находит отражение в разнообразии и высоком качестве одежды членов каждой семьи. У подавляющего большинства населения есть и национальные, и в разной мере европеизированные костюмы. Взрослые и дети имеют свои комплекты одежды; помимо повседневного есть и праздничный костюм, и рабочая одежда. Верхняя одежда различается по сезонам.

³² Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 67.

³³ Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 161, 179.

³⁴ Там же; Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 67; Васильева Г. П. Некоторые тенденции развития современных национальных традиций в материальной культуре народов Средней Азии и Казахстана, с. 23.

³⁵ Востров В. В., Кауанова Х. А. Указ. раб., с. 125—126; Абрамзон С. М., Симанов Г. Н., Фириштейн Л. А. Указ. раб., с. 36.

³⁶ Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, с. 188—189.

³⁷ Культура и быт казахского аула, с. 112—113; Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, с. 189.

Как указывалось, степень сохранения традиционного костюма различна в разных частях отдельных республик и во многом зависит от степени удаленности от культурных центров и национального состава населения.

Так, у казахов северо-западных, северных и северо-восточных районов республики, где велик процент русского населения, традиционные виды одежды сохранились гораздо слабее, нежели в других районах³⁸.

Большое значение имеют и другие причины, например, уровень развития бытового обслуживания населения. За 12 лет (с 1965 по 1976 г.) во всех республиках региона (без Казахстана) число предприятий бытового обслуживания выросло в 2—2,5, а в Туркменской — в 3 раза. Объем бытовых услуг за этот же период увеличился более чем в 10 раз³⁹.

Одежда таджиков Матчинского района — одного из центральных горных районов республики, в котором стойко сохранялись традиционные формы, после переселения их на вновь орошенные земли Дальверзина (Голодная степь) в 1960-е годы стала быстро изменяться⁴⁰. Ныне все мужчины, за исключением пожилых, стремятся носить современный костюм, хотя и сохраняющий отдельные элементы традиционного. У женщин степень бытования традиционного костюма зависит от места жительства (город, райцентр, село), возраста, образования и профессии.

Интенсивно идет процесс стирания различий в одежде и прическах девушек и молодых женщин у узбеков центральных районов республики⁴¹. Изменяется женская прическа и у других народов Средней Азии. Так, у памирских таджиков молодые женщины, прежде носившие две косы вдоль спины, собирают волосы в большой пучок на затылке, а некоторые девочки и девушки вместо многочисленных косичек носят короткую стрижку; в последнее десятилетие молодые киргизки Прииссыккуля стали носить модные прически⁴². Еще совсем недавно в семьях колхозников или рабочих совхозов женская одежда в основном шилась дома, самими женщинами; теперь, как отмечают этнографы, сельские жительницы стали чаще покупать одежду в магазинах (особенно верхнюю) или заказывать в ателье, имеющих, как правило, во всех крупных селениях. Однако выбор фасонов городской одежды (особенно женского платья) диктуется национальными традициями и вкусами⁴³. Ткани для одежды стали очень разнообразными; и все же для верхней одежды наиболее предпочтительны традиционные — бархат, вельвет, плюш. Много покупают также шелковых и шерстяных тканей, панбархата⁴⁴.

Даже в самых глухих, отдаленных районах при предпочтительном сохранении традиционного женского костюма у молодых женщин и девушек появляются отдельные предметы городской одежды (пальто, плащи). Женщины всех возрастов, так же как и девочки, начиная с трех-четырех лет, почти во всех районах Средней Азии и Казахстана независимо от покроя платья (туникообразного, на кокетке или подрезного в талии с отложным воротником) охотно носят жилетки — относительно новый элемент одежды. Молодые узбечки в 1960-е годы стали носить платья значительно короче, чем женщины старших возрастов⁴⁵.

³⁸ Востров В. В., Қауанова Х. А. Указ. раб., с. 130—131.

³⁹ Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М.: Статистика, 1977, с. 568, 572.

⁴⁰ Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 150, 152.

⁴¹ Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 190.

⁴² Моногарова Л. Ф. Указ. раб., с. 97; Абрамзон С. М., Симаков Г. Н. Фирштейн Л. А. Указ. раб., с. 37.

⁴³ Востров В. В., Қауанова Х. А. Указ. раб., с. 131; Абрамзон С. М., Симаков Г. Н., Фирштейн Л. А. Указ. раб., с. 37.

⁴⁴ Жилина А. Н. Современная материальная культура сельского населения Ташкентской области Узбекской ССР. — В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1966, с. 130, 135; Востров В. В., Қауанова Х. А. Указ. раб., с. 132; Культура и быт казахского аула, с. 115; Овезов Д. М. Население долины Чандыра и среднего течения Сумбара. Ашхабад: Ылым, 1976, с. 150.

⁴⁵ Жилина А. Н. Современная материальная культура..., с. 136.

Почти у всех народов региона, кроме части туркмен и таджиков в сельской местности, среди женщин широко распространены короткие жакеты (*кастым* — кирг., каз.), надеваемые поверх платья.

Платья молодых туркменок, особенно в центральных районах республики, при сохранении внешнего традиционного облика — прямой несколько зауженный силуэт, часто шьются уже с вшивными рукавами.

Прослеживается явная зависимость предпочтения определенного фасона и одежды и обуви от социальной структуры семьи, роли старших в ней, степени ее «интеллигентности» и т. д. Так, у женщин местных национальностей, особенно молодых, в 70-е годы довольно широкое распространение получили современные модели обуви, босоножки и танкетки. Однако у казахов, например, в 60-е годы босоножки и танкетки носили только учительницы и школьницы старших классов⁴⁶. Многие женщины из местной интеллигенции, одевающиеся по-городскому, в качестве домашней одежды носят национальный костюм (традиционного покроя платье, длинные шаровары). В нем удобнее выполнять домашнюю работу, сидеть на полу, его лучше воспринимают старшие родственники⁴⁷.

В туркменских семьях, где сохраняются традиционные отношения и есть старшие родственники мужа, женщины средних лет чаще носят традиционный костюм. Там, где женщины более самостоятельны, они часто надевают один платок, завязывая его узлом на затылке и спуская концы на грудь. В семьях, где женщины менее самостоятельны, они продолжают носить второй платок, прикрывая им рот⁴⁸.

Мужская одежда, как указывалось, в основном покупная, фабричного производства, хотя люди старшего поколения сохраняют свою традиционную одежду, в той или иной степени сочетая ее с городской. Национальную одежду чаще всего шьют сами женщины (особенно рубахи и штаны), халаты заказывают в ателье. У людей с образованием, даже пожилых, традиционная одежда сохраняется в гораздо меньшей степени. Обычно пожилые мужчины считают традиционную одежду более приличной для их возраста, но не осуждают и новую, современную. Более того, как отмечают казахские этнографы, многие люди старшего возраста для поездки в город имеют одежду городского типа, специально сшитую в ателье⁴⁹. В некоторых случаях и молодые мужчины носят если не полный национальный костюм, то отдельные его части. Так, у людей, связанных с животноводством, традиционные формы одежды прочно сохраняются в качестве профессиональной, рабочей, так как хорошо приспособлены к условиям быта чабанов⁵⁰.

Из традиционных форм мужской одежды лучше всего сохраняется и широко бытует верхняя — различного рода халаты, а также головные уборы — тюбетейки и зимние меховые шапки⁵¹. У узбеков и таджиков традиционные зимние головные уборы заменила шапка-ушанка⁵².

Национальный костюм или отдельные его части широко бытуют в качестве праздничной и ритуальной одежды. У таджиков Дальверзина женщины среднего возраста для особых случаев (свадьба, похороны) имеют платье старинного туникообразного покроя, в обычное же время и дома, и на работе они носят так называемое «узбекское» платье на

⁴⁶ Культура и быт казахского аула, с. 124.

⁴⁷ Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 186; Полевые материалы автора, 1979, 1981 гг.

⁴⁸ Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, с. 214; Полевые материалы автора, 1977, 1979 гг.

⁴⁹ Востров В. В., Кауанова Х. А. Указ. раб., с. 131.

⁵⁰ Там же, с. 130; Моногарова Л. Ф. Указ. раб., с. 100; Абрамзон С. М., Симанов Г. Н., Фирштейн Л. А. Указ. раб., с. 38.

⁵¹ Культура и быт казахского аула, с. 116, 118—119; Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, с. 200; Овезов Д. М. Указ. раб., с. 138 и др.

⁵² Жилина А. Н. Современная материальная культура, с. 135; Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 152.

кокетке, широко распространившееся в наши дни почти по всей Средней Азии⁵³.

Свадебный костюм невесты (или отдельные его части) в большинстве районов до сих пор остается традиционным. У узбеков Ташкентской области жених еще недавно надевал яркий халат из полшелковой полосатой ткани (*бекасаб* — узб.), подаренный ему родственниками невесты. Такой же халат из *бекасаба*, а также тюбетейка, поверх которой повязывается традиционная чалма или, чаще, поясной платок, еще в 60-е годы был совершенно обязателен в свадебном костюме жениха долины Зеравшана. Для всех мужчин — и молодых и старых — во время похорон обязательной одеждой считается национальный халат, подпоясанный поясным платком⁵⁴.

Пожалуй, самым значительным изменениям за последние 10—15 лет подвергся костюм детей. Еще в 1950-е — начале 1960-х годов детей, особенно самых маленьких, одевали в традиционную одежду. Это было связано с долго сохранявшимися в быту поверьями и обрядами, призванными охранять ребенка и оберегать его здоровье. Постепенное изживание их привело к тому, что одежда детей в большинстве районов Средней Азии приобрела совершенно иной облик. Теперь одежда детей, даже в отдаленных сельских местностях, мало отличается от городской. Для мальчиков уже с 2—3-летнего возраста, а для девочек с 3—5 лет часто покупают готовую одежду или шьют дома одежду городского типа. С исчезновением предрассудков (раньше детей намеренно одевали не очень опрятно и нарядно, боясь сглаза) родители стали много внимания и времени уделять костюму детей. Обычно в каждой семье ребенок помимо будничной имеет и праздничную одежду — шерстяные и вельветовые костюмчики, шелковые платица, вязанные кофточки и др.⁵⁵ Одежда грудных детей, особенно в семьях интеллигенции, часто состоит из покупных распашенок, чепчиков, ползунков. Из традиционных видов детской одежды широко бытуют нагруднички, сшитые из кусочков материи. Лишь в тех семьях, где молодые родители находятся под влиянием старших религиозных родственников, или в отдаленных кишлаках, новорожденного одевают в традиционную туникообразную рубашечку с неподшитыми подолом и рукавами и привешивают к ней различные амулеты от сглаза⁵⁶.

Дети младшего школьного возраста, как правило, носят одежду городского типа, однако уже с 9—10 лет девочки во многих районах начинают одевать платье и шаровары национального покроя, а если и носят школьную форму, то снимают ее сразу же по возвращении из школы. И все же этот порядок все чаще начинает нарушаться.

Нельзя не остановиться на изменениях в области пищи — этом наиболее устойчивом элементе материальной культуры.

Хорошо известно, что за годы Советской власти в пищевом рационе народов рассматриваемого региона произошли значительные изменения. Развитие многоотраслевого общественного хозяйства, повышение уровня жизни, широкая сеть продовольственных магазинов явились главными причинами изменений в характере пищи. Она отличается от дореволюционной и разнообразием, и калорийностью. Значительно шире стал ассортимент блюд. Однако интенсивность процесса изменения пищи и режима питания не везде одинакова и зависит от характера хозяйства, степени отдаленности от городов и крупных поселков и многих других

⁵³ *Хамиджанова М. А.* Указ. раб., с. 153; *Васильева Г. П.* Некоторые тенденции развития современных национальных процессов..., с. 20—21, Интересно отметить, что еще в начале 70-х годов пожилые женщины отдаленных кишлаков Центрального Зеравшана считали, что «носить такие платья грех», и не одобряли тех, кто надевал их. (См.: Материальная культура таджиков..., с. 194).

⁵⁴ *Жилина А. Н.* Современная материальная культура..., с. 131, 134; Материальная культура таджиков..., с. 268, 272.

⁵⁵ Культура и быт казахского аула, с. 125; *Хамиджанова М. А.* Указ. раб., с. 157; Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 190, 192 и др.

⁵⁶ Культура и быт казахского аула, с. 124—125; *Васильева Г. П.* Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, с. 227; *Хамиджанова М. А.* Указ. раб., с. 157; Материальная культура таджиков..., с. 251.

причин. По-разному идут эти изменения в различных социальных группах и даже внутри каждой социальной группы в зависимости от характера семьи и степени сохранения в ней традиционного уклада. Так, например, у казахов, в прошлом скотоводческого народа, теперь большое место в питании занимают разные виды хлеба, ставшего неперменным элементом ежедневного пищевого рациона. В прошлом его употребляли значительно меньше. Вместе с тем наиболее консервативные представители старшего поколения до сих пор не признают многих видов растительной пищи, не едят соленых и квашеных овощей⁵⁷. Засолка овощей во многих районах обычно производится только в домах сельской интеллигенции; у таджиков Дальверзина еще десять лет назад ею в основном занимались мужчины, они же и употребляли соленые овощи как закуску к спиртному⁵⁸. У казахов и киргизов, как отмечают исследователи, салаты из овощей в домах интеллигенции часто подают к горячим блюдам; у этих же народов значительно шире, чем раньше, стали употреблять в пищу мясо домашней птицы, рыбу, блюда из яиц, особенно в семьях, где хозяйничают молодые. Молодежь ест колбасу, которую люди старшего возраста не признают, боясь совершить грех — съест свинину, обычно содержащуюся в колбасах⁵⁹.

У таджиков и узбеков в семьях сельской интеллигенции и даже во многих семьях молодых колхозников для маленьких детей стали готовить еду отдельно и уже не кормят их тем, что готовят для взрослых. Для них часто специально покупают всевозможные сладости, кондитерские изделия, фрукты⁶⁰.

Традиционные блюда в рационе семьи дольше удерживаются там, где приготовлением пищи занимаются пожилые женщины, а также в неразделенных семьях, где учитываются в первую очередь вкусы старших членов семьи. Казахские этнографы отмечают, что в национально-смешанных семьях жена — неказашка наряду со своими национальными блюдами готовит, как правило, и казахские блюда и напитки⁶¹. Новым в быту сельских жителей является постепенное признание общественного питания. В тех колхозах и совхозах, где на это обращается должное внимание и есть хорошие столовые, их охотно посещают в обеденный перерыв не только мужчины, но и женщины (пока в основном молодежь и сельская интеллигенция)⁶². Из меню столовой для домашней кухни заимствуются некоторые понравившиеся блюда⁶³.

Значительно разнообразнее стали праздничные блюда: наряду с традиционными подают и новые, самые вкусные и любимые блюда — плов, жаркое и др.⁶⁴ Для праздничного стола, даже в тех селениях, где есть пекарни, непременно пекут лепешки в тандырах⁶⁵. На поминки же готовят только традиционные ритуальные блюда.

Из старой национальной посуды и утвари сохранилось немного. Почти в каждой семье есть немало эмалированной, никелированной, фарфоровой и другой посуды. Однако чугунный котел-казан считается наиболее удобным и подходящим для приготовления любого блюда. У большинства населения сохраняется твердая уверенность, что пища, приготовленная в казане, более вкусна.

Туркмены, таджики и узбеки едят обычно сидя на полу вокруг скатерти (*достархан*); казахи и киргизы — за низеньким круглым столиком.

⁵⁷ Культура и быт казахского аула, с. 135, 139.

⁵⁸ Там же, с. 139; Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 121.

⁵⁹ Культура и быт казахского аула, с. 139; Абрамзон С. М., Симаков Г. Н., Фирштейн Л. А. Указ. раб., с. 38—39.

⁶⁰ Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 125; Жилина А. Н. Современная материальная культура..., с. 140.

⁶¹ Востров В. В., Кауанова Х. А. Указ. раб., с. 136.

⁶² Культура и быт казахского аула, с. 139—140; Жилина А. Н. Современная материальная культура..., с. 140.

⁶³ Востров В. В., Кауанова Х. А. Указ. раб., с. 137.

⁶⁴ Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 116; Культура и быт казахского аула, с. 138.

⁶⁵ Хамиджанова М. А. Указ. раб., с. 117; Полевые материалы автора, 1977, 1979 гг. и др.

(устел — каз.). Для гостей расстилают на полу несколько достарханов или усаживают их за обычный стол⁶⁶.

Материалы, приведенные выше — лишь небольшая часть того, что можно было бы зафиксировать, изучая семью и ее материальную культуру в этом плане. Совершенно несомненно, что этнические процессы, протекающие у народов нашей страны, находят отражение и в материальной культуре отдельной семьи. Степень развития и изменения новых, общесоветских и традиционных элементов культуры зависит в значительной мере от этнической и социальной среды, — это мы и стремились проиллюстрировать приведенными примерами. Нет сомнения в том, что материальная культура может рассматриваться как один из источников изучения культурно-бытовых процессов, происходящих в семье.

⁶⁶ Культура и быт казахского аула, с. 143.

Л. Н. Фурсова

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТИСНОГО НАСЕЛЕНИЯ КАНАДЫ

Регионом образования метисного населения Северо-Запада Канады являлась «Северо-Западная территория»¹, или «Земля Руперта». Простираясь к западу от Великих озер, вся эта обширная область, лежавшая между Британскими колониями Северной Америки или «Канадой» на востоке и Скалистыми горами на западе, представляла собой зону прерий, холмистых травяных степей. Эти степи тянулись от таежного пояса на севере до Ред-Ривер, р. Красной на юге, от региона Великих озер на востоке до предгорий Скалистых гор на западе².

К середине XIX в. в этом ареале обитали многие индейские кочевые племена — конные охотники на бизонов и скотоводы. Некоторые из них издавна заселяли степную зону. Другие появились здесь в результате европейской колонизации, отеснявшей аборигенов все дальше на запад и север. Индейские степные племена относились к разным лингвистическим группам, но наиболее многочисленными из них были сиу и алгонкины. В XVIII — начале XIX в. основными племенами, населявшими равнины нынешней Канады, являлись «черноногие» (делившие на собственно черноногих, пиеган и «кровокых»), ассинобойны, кри и сарси³. Под натиском колонизации сюда, на Северо-Запад, с востока отступали новые индейские племена. Принужденные оставить свои земли, они шли на Дальний Запад в надежде сохранить независимость и собственный уклад жизни. В результате этой вынужденной миграции в степных районах оказались племена с различным историческим прошлым и с разным типом хозяйства. «Освоение всеми этими племенами степных пространств было непосредственно связано с развитием у них коневодства и верховой охоты на бизонов»⁴. Культура конных охотников сложилась из двух элементов: из уклада жизни ранних насельников равнин — пеших кочевых охотников и культуры переселившихся сюда земледельческих племен⁵.

¹ Не следует путать с нынешними «Северо-Западными территориями». До включения Запада в состав доминиона понятием «Северо-Запад» обозначалась вся территория современной Канады, кроме ее обжитых восточных районов.

² Позднее границы канадской части прерий Северной Америки были определены более точно. Они ограничиваются на юге государственной границей, т. е. 49-й параллелью. На север прерии простираются на 1200 км и достигают 60-й параллели.

³ Jenness D. Indians of Canada. Ottawa, 1977, p. 12.

⁴ Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974, с. 257.

⁵ Аверкиева Ю. П. Индейские племена североамериканских степей и плато. — В кн.: Народы Америки. Т. I. М., 1959, с. 245.